

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПОДДЕРЖКА ДЕМОКРАТИИ СРЕДИ ЭЛИТНЫХ И МАССОВЫХ ГРУПП В НОВЫХ И СТАРЫХ ДЕМОКРАТИЯХ¹

Урсула Хоффман-Ланге

Вступление

В своей книге «Модернизация, культурные изменения и демократия» Инглхарт и Вельцель представили то, что по их утверждению является «всеобщей теорией модернизации, культурных изменений и демократизации»². Они полагают, что модернизация и глобализация дали толчок значительным изменениям в системе ценностей и глобальному росту эмансипированных ценностей. Такое изменение должно предполагать значительную взаимозависимость с изменениями в социально-экономической структуре и демократизации, потому что оно призвано усиливать давление общества на правительство с целью установления демократических прав.

Эта теория, несомненно, является большим шагом вперед по сравнению с классической теорией модернизации, которая предполагает прямые взаимоотношения между социально-экономической структурой и демократией³. Авторы убедительно доказывают, что один только структурный анализ оказывается неспособным принять во внимание мотивационный и поведенческий факторы, которые лежат в основе процессов демократизации. Однако они, в свою очередь, не учитывают роль стратегических политических фигур в условиях смены режима, что может быть продемонстрировано следующей цитатой: «Демократия — это не просто результат разумных договоренностей элит и конституционного строительства. Она зависит от укоренившихся ориентаций непо-

средственно в обществе. Эти ориентации мотивируют общество к желанию потребовать свободу и правительство, которое прислушивается к его интересам, и действовать таким образом, чтобы удостовериться во взаимопонимании с правящими элитами»⁴.

Эта цитата раскрывает несколько упрощенный взгляд на роль политически активных меньшинств, предполагая, что они реагируют только на давление масс, а не понимают свою центральную роль в политических процессах, особенно в сложные политически нестабильные времена. В то время как политические деятели ограничены политическими ориентациями и традициями, присущими данному обществу, они не только играют активную роль в принятии политических решений, но и влияют на формирование общественного мнения. Тогда как классическая теория модернизации совершает *общественную ошибку*, не учитывая факторы на уровне политических личностей, Инглхарт и Вельцель, в свою очередь, совершают *индивидуалистическую ошибку*, делая выводы о развитии на разных уровнях системы, исходя из обобщения разрозненных данных. Они не уточняют наличие связи между выстраиванием системы ценностных ориентаций у населения и демократизацией, таким образом игнорируя влияние мезоуровня, равно как и других уровней системы, которые определяют воздействие факторов индивидуального уровня⁵. Несмотря на всеобщее недовольство, авторитарные режимы могут оставаться

достаточно устойчивыми, т.к. они прибегают к репрессиям для устрашения, подавления политической оппозиции. Подобным же образом изменения в международной обстановке могут ослаблять авторитарные режимы, способствуя, таким образом, процессам демократизации. Именно осознанное решение Горбачева о снижении угрозы вмешательства во внутренние дела стран социалистического лагеря в свое время проложило дорогу демократическим процессам в Центральной и Восточной Европе, где население в течение десятилетий было недовольно коммунистическим режимом, но не предпринимало никаких активных действий.

В мои задачи, безусловно, не входит утверждение того, что политические ориентации общества ничего не значат. Однако одни они являются недостаточными, чтобы объяснить процессы, происходящие на макроуровне, такие как смена режима, что всегда подразумевает сложное сочетание факторов, среди которых политические ориентации населения являются лишь одними из составляющих, и не всегда ведущими. Смены режима, таким образом, могут быть вызваны общественным недовольством, но непосредственно процесс демократизации всегда проводится организованными политическими силами. Непосредственная ситуация определяет, кто же относится к стратегическим политическим силам. Обычно они представлены организованными оппозиционными группами, новыми организациями, возникшими в процессе смены режима, а также элитами предыдущего авторитарного режима. Эти стратегические силы объединяются для создания первоначальной демократической институциональной среды и разработки демократической конституции. Думая о возможностях демократической консолидации, важно понимать, что не все участники процесса должны разделять скрытые демократические ценности.

Особенно представители прошлых элит могут приходиться к выводу, что принятие демократии — это единственный способ остаться у власти. Демократизация, таким образом, может быть результатом рациональных расчетов и договоренностей как минимум части политически значимых элит⁶.

В то время как политическая культура является лишь одним из факторов демократизации, она оказывается ведущей в процессе консолидации демократических сил. Однако понятие политической культуры, под которым подразумевается определенное сочетание политических ценностей, взглядов и намерений, является в некотором роде недостаточным, потому что оно выпускает из виду изменяющиеся степени сложности политической ситуации, а также различные идеологические предпочтения. Можно предположить, что политические ориентации элит и политически активной части населения оказываются гораздо важнее для консолидации демократических сил, чем политические настроения менее активного населения. Анализируя работу «Гражданская культура», Лейпхарт считает, что даже Алмонд и Верба, несмотря на то, что они открыто признали значимость элит, не предприняли попытки «определить политическую культуру и поведение элит с помощью систематического исследования или путем градации и классификации пяти государственных правительственных элит»⁷. Это подразумевает, что изучение политической культуры в новых демократиях не должно опираться исключительно на опросы общественного мнения, что может привести к пессимистичным выводам в отношении будущих возможностей для демократической консолидации. Такие исследования, безусловно, должны быть дополнены изучением элит, что предоставит информацию о степени консенсуса среди представителей элит по вопросам демократического политического порядка.

Теоретические положения

Изучение, проведенное МакКлоски и его последователями⁸, показало, что поддержка демократических ценностей и норм среди населения даже таких устоявшихся демократий, как США, далека от совершенства. Другие исследования подтвердили, что это утверждение является справедливым в отношении консолидированных и даже в еще большей степени молодых демократий, где демократические традиции и ценности еще не являются устоявшимися и единственно приемлемыми⁹.

Так как авторитарные системы стремятся к подавлению открытого политического диалога и независимой активности среди населения, граждане таких стран зачастую не очень хорошо ориентируются в сложностях политической жизни своего государства. В таких условиях политическая культура характеризуется более низкой степенью поддержки демократических ценностей и традиций, чем в консолидированных демократиях. Инглхарт и Вельцель справедливо утверждают, что модернизация и в особенности появление Интернета способствовали распространению эмансипированных ценностей даже в сугубо авторитарных условиях. Это подразумевает, что за последние десятилетия условия для развития демократической политической культуры значительно улучшились. Однако остается неясным, насколько граждане стран, которые не имеют возможности изучения демократического опыта, по крайней мере, в соседних государствах, окажутся способными противостоять попыткам давления со стороны антидемократических сил. Поэтому во время переходного периода и непосредственно после его завершения сохранение демократии зависит преимущественно от поддержки, оказываемой относительно малой группой демократически ориентированных лидеров, журналистов и общественных деятелей.

Такие соображения подразумевают, что демократии могут выживать даже при отсутствии консенсуса относительно демократических ценностей, если только стратегически заметные меньшинства, такие как экстремистские партии или военные силы, не противостоят открыто демократическому режиму. Всеобщее согласие относительно того, что демократия — это лучший тип государственного устройства для обеспечения политической эффективности и законности, становится важным условием политической консолидации, потому что иначе стратегические политические фигуры могут прибегнуть к неконституционным способам отстаивания своих интересов. Такое согласие, безусловно, никогда не будет достигнуто в полной мере, потому что экстремистские политические организации появляются даже в консолидированных демократиях. Демократиям приходится мириться с существованием таких организаций, если только они не вовлечены в незаконную деятельность. Однако если антидемократическим силам удастся мобилизовать политически недовольных или апатичных граждан, которые не имеют четкого представления о демократических ценностях, процессы консолидации могут оказаться под прямой угрозой. В условиях политической культуры, при которой демократические институты и базовые демократические ценности обладают высоким законным статусом, граждане оказываются менее восприимчивыми к попыткам экстремистских групп мобилизовать поддержку с помощью антидемократических лозунгов.

Развитие демократической политической культуры подразумевает, что демократические институты должны доказать их необходимость обществу еще до того, как демократические ценности и нормы будут широко приняты. Западная Германия после 1945 г. является хорошим примером такого постепенного развития гражданской культуры. За годы нациз-

ма политические лидеры, которые стали свидетелями развала Веймарской республики, осознали, что демократия не может функционировать без готовности элит к компромиссам в интересах партии. Они установили с помощью западных оккупационных сил либеральную демократию, несмотря на тот факт, что большинство граждан Западной Германии были либо безразличны, либо скептически настроены в отношении новой либеральной демократии. Данные опросов общественного мнения, проведенных в 1950-х гг., показывают, что лишь некоторое большинство в менее чем 60% респондентов предпочли демократию другим формам государственного устройства, тогда как треть населения отдала свое предпочтение монархии, а большинство полагало, что наличие одной партии является совершенно достаточным¹⁰. В 1959 г., во время проведения Алмондом и Вербой известного исследования гражданской культуры, поддержка демократии была распространена в обществе, но вовлеченность граждан в политическую жизнь все еще оставалась достаточно низкой. Это привело авторов к выводу о том, то политическая культура в Западной Германии нуждалась в существенном развитии¹¹. «Хотя в обществе превалирует удовлетворение результатами политической активности, они все равно могли бы испытывать на себе большее влияние системы. Немцы в основном бывают довольны тем, как функционирует их правительство, но им не хватает более активной вовлеченности в политическую систему»¹². К концу 1970-х гг., однако, опросы общественного мнения показали существенный рост показателей поддержки демократических процессов, что позволило Дэвиду Конрадту говорить о «вновь выработанной политической культуре»¹³.

Пример Западной Германии доказывает, что демократическая политическая культура может развиваться с течением времени. К такому же заключению при-

шел Липсет в своем известном эссе о взаимоотношениях эффективности существующего режима и законодательства¹⁴. С другой стороны, становится очевидно, что демократический контроль за поведением элит не может быть передан лишь институтам горизонтальной ветви¹⁵. Активное гражданское общество так же важно для процессов демократизации, как и средства массовой информации, освещающие действия власти. Более того, гражданское общество с высоким уровнем поддержки демократических ценностей менее подвержено политическому влиянию антидемократических сил, что уменьшает вероятность провала демократии во времена политического кризиса. Распространение эмансипированных ценностей, что Инглхарт и Вельцель отмечают как условие демократизации, оказывается важным для консолидации демократических сил в силу того, что помогает стабилизации зарождающейся демократии и значительно сокращает время, необходимое для процессов консолидации.

Исходя из выказанного, мы можем сделать два предположения:

Предположение 1. Так как политики являются ключевыми политическими фигурами, то ожидается, что они имеют гораздо лучшее представление и понимание преимуществ демократии для сохранения их собственной власти и, таким образом, должны оказывать большую поддержку демократическим институтам, чем население страны в целом.

Предположение 2. В обеих группах такая поддержка должна быть скорее заметна в старых, чем в новых демократиях.

Как уже было упомянуто раньше, Липсет¹⁶ предположил, что новым демократиям не хватает законодательной базы. У граждан таких государств недостаточно собственного опыта взаимодействия с демократическими институтами и практиками, и таковые институты еще не успели доказать свою эффектив-

ность. Это предполагает, что новые демократии являются уязвимыми. Однако Липсет полагал, что как только демократия получила бы шанс доказать свою эффективность, она обрела бы и законодательную базу, которая послужила бы гарантом во времена политического или экономического кризиса. Его выводы основываются на анализе исторического опыта периода после Первой мировой войны, когда произошел распад некоторых зародившихся демократий (Италия, Германия, Австрия и т.д.), тогда как устоявшиеся демократии (США, Великобритания и небольшие демократические государства Западной Европы) справились с ситуацией, несмотря на значительный экономический спад во время Великой депрессии. Липсет предположил, что как политическая, так и экономическая эффективность необходима для закрепления демократической законодательной базы, но утверждал, что в современных демократических государствах подобная эффективность обычно увязывается с экономической эффективностью¹⁷.

Тогда как экономическая эффективность является неоспоримо важной для развития законодательной базы, Алмонд и Верба¹⁸ утверждают, что эффективные демократические институты оказываются существенной частью гражданской культуры. Проведенное ими исследование выявило значительные расхождения между пятью странами. Если американские и британские респонденты испытывали гордость за демократические достижения их стран, то поддержка демократии жителями Западной Германии была связана в первую очередь с экономическими достижениями. Авторы задаются вопросом, достаточно ли будет этих основ для сохранения демократической политической системы во времена тяжелого экономического кризиса. Опубликованные результаты исследования вызвали живые дебаты о превалирующей среди западных немцев *ориентации выхода* и о скрытой в этом опасности, которая

может нарушить стабильность во времена экономического кризиса. Последующие исследования, однако, показали, что поддержание конституционного порядка в демократической Западной Германии значительно укрепилось¹⁹. Это дает основание полагать, что оказывается возможным различать внешнюю и внутреннюю формы поддержки демократии, основанные на ее различном понимании²⁰.

В исследовании, посвященном роли правительственных и парламентских чиновников в Восточном и Западном Берлине, проведенном в начале и середине 1990-х гг., Роршнайдер²¹ обнаружил, что поддержка идеи сильного социально ориентированного государства, а также права прямого парламентского участия была гораздо сильнее в Восточном Берлине. Изучение элит в Потсдаме в 1995 г. раскрыло существование похожего Восточно-Западного разрыва в немецких элитах²². В основном эта ситуация может объясняться тем фактом, что достаточно большой процент представителей элиты Восточной Германии принадлежал к левой партии СДПГ, тогда как политические предпочтения принадлежавших к другим партиям не уводили их далеко от предпочтений, высказываемых коллегами из Западной Германии.

Изучение опросов общественно-го мнения регулярно демонстрирует существование разрыва во взаимном восприятии жителей Восточной и Западной Германии. Восточные немцы настроены более скептически в отношении функционирования рыночной экономики и выдвигают более серьезные требования к услугам, предоставляемым правительством²³. Германия, таким образом, демонстрирует разрыв как Восток — Запад, так и элиты — массы в их отношении к понятию «демократия». Исследование, проведенное Миллером²⁴, показало, что подобное явление свойственно и другим посткоммунистическим странам. Это позволяет нам сформулировать третье предположение.

Предположение 3. Внутреннее понимание демократии гораздо шире распространено среди представителей элит, чем населения в целом, а также в старых, а не новых демократиях.

Можно также прийти к выводу о том, что функционирование политической системы по обеспечению либеральных демократических прав укрепляет правовую основу демократии, и это становится наиболее понятным представителям элит и гражданам, разделяющим внутреннее понимание демократии, тогда как элиты и граждане, оперирующие внешним определением демократии, связывают ее легитимность в основном с удовлетворительными результатами экономического развития.

Предположение 4. Легитимность демократии зависит от ее репутации в сфере защиты либеральных демократических прав и надлежащего функционирования политических институтов. Эта взаимосвязь должна быть более понятной респондентам, разделяющим внутренне понятие демократии.

Анализ результатов опросов общественного мнения в отношении политического доверия и правовой базы демократии неоднократно подчеркивал, что доверие государственным институтам и удовлетворение от демократического режима не являются независимыми от результатов непосредственного демократического правления, как это предполагает демократическая теория²⁵. Это должно быть более ощутимым в условиях молодых демократий, где политики и представители оппозиционных партий должны относиться с большим подозрением к деятельности правительства. Таким образом, последнее предположение имеет отношение к внешнему влиянию на законность демократии.

Предположение 5. Легитимность демократии зависит от предпочтений респондентов политической партии — в правительстве или в оппозиции. Эта взаимосвязь должна больше ощущаться в старых, а не новых демократиях.

База данных

Представленный анализ будет основан на изучении данных, полученных в исследовании элит и населения в целом в двух старых (Германия и Швеция) и в пяти новых (Чили, Польша, Южная Африка, Южная Корея и Турция) демократиях. Информация об элитах была собрана в 2007 г. в рамках Инициативы по изучению процессов трансформации (TRI) международной группой исследователей, анализировавших воздействие политической культуры на демократическую консолидацию²⁶. Невзирая на небольшое число задействованных стран, проектная группа сделала попытку дать более широкий охват регионов и культур, чтобы иметь более полное представление о результатах.

Исследование элиты включает две группы — парламентариев и журналистов, чьи ценностные ориентации и оценка политической ситуации особенно важны для процессов демократической консолидации в силу влияния этих групп на общественное мнение. Анкета включала ряд вопросов, которые также были заданы на 5 этапе «Всемирного обзора ценностей» (WVS), проведенном в 2005–2006 гг. Это позволило сравнить данные о ценностных ориентациях элит и населения в целом.

В таблице 1²⁷ представлено количество респондентов в каждой стране и в каждой группе. На протяжении всего анализа были использованы показатели количества для корректировки примерных границ информации, а также для установления видов градации ответов. Такой показатель для парламентской выборки оценивает политический состав партий национальных парламентов в семи странах²⁸. Данные международного опроса WVS тоже используют количественные корректуры для вопросов, касающихся оценки социально-демографической ситуации, а также представления этнических меньшинств в Южной Африке и выходцев из Восточной Германии.

Table 1: The Elite and General Population Samples of the Seven Countries

	General Population	Parliamentarians	Journalists
Chile	1,000	99	25
Germany ¹	2,064	101	109
Poland	1,000	99	50
South Africa	2,988	100	51
South Korea	1,200	100	51
Sweden	1,003	101	67
Turkey	1,346	148	226
Total	10,601	748	579

Source: Tri Elite Survey 2007 and World Values Survey 2005/06

- 1 The World Value Survey included 988 respondents living in former West Germany and 1076 living in the former GDR; the elite survey included 79 Bundestag deputies elected from West German and 22 from East German constituencies.

Данные по Германии требуют особого подхода, т.к. Германия является единственной в исследовании страной, которая совмещает старую демократию (старая Федеративная Республика) и новую демократию (бывшая Германская Демократическая Республика). Говоря о населении в целом, можно предположить, что политические взгляды респондентов должны в той или иной мере отразить преобладающие политические настроения в двух регионах. Даже спустя почти 20 лет после объединения немецкие опросы общественного мнения регулярно фиксируют наличие значительного разрыва в демократических ценностных ориентациях, оценках достижений немецкой демократии и в особенности во взглядах на равенство предоставляемых возможностей²⁹. Восточные немцы более скептичны в отношении должным образом функционирующего свободного рынка, предпочитают социально-экономическое равенство и

готовы делегировать правительству больше полномочий в предоставлении социальных услуг населению. В то же время они высказывают большее неудовлетворение работой политической системы, чем жители западной части Германии³⁰.

Однако это не будет справедливым в отношении немецких элит в целом. Хотя региональный фактор более важен для парламентариев, чем для других представителей элитной группы, и в большинстве своем они выросли и прожили значимую часть своей жизни в той земле, которую они представляют в Бундестаге, их партийная принадлежность гораздо важнее для формирования их политических взглядов, нежели связь с регионом. Для других элит рынок труда оказывается более или менее унифицированным, потому что высшие управленческие должности предполагают региональную мобильность и готовность работать в тех местах, где открываются вакансии. В представленных таблицах данные по

Германии будут сравниваться с данными по другим странам, однако результаты по Восточной и Западной Германии будут сопровождаться переменными в тех случаях, когда между двумя частями страны будет обнаруживаться значительная разница.

Для того чтобы усовершенствовать интерпретацию результатов, все величины представлены в значениях от 0 до 1, вне зависимости от первоначальных показателей и количества категорий, открытых для респондентов (от 4 до 10). Таким образом, средние показатели могут быть приблизительно интерпретированы как процентное выражение группы населения, выбирающей наивысший результат.

Поддержка демократии

Обе части проведенного исследования включали вопрос о том, какой из государственных режимов кажется им наиболее предпочтительным:

- автократия: наличие сильного лидера, который не нуждается в парламенте и проведении выборов;
- экспертное правление: наличие группы экспертов, которые вместо правительства принимают решения в отношении того, что является предпочтительным для страны;
- военный режим: военное правление;
- демократия: демократическая политическая система.

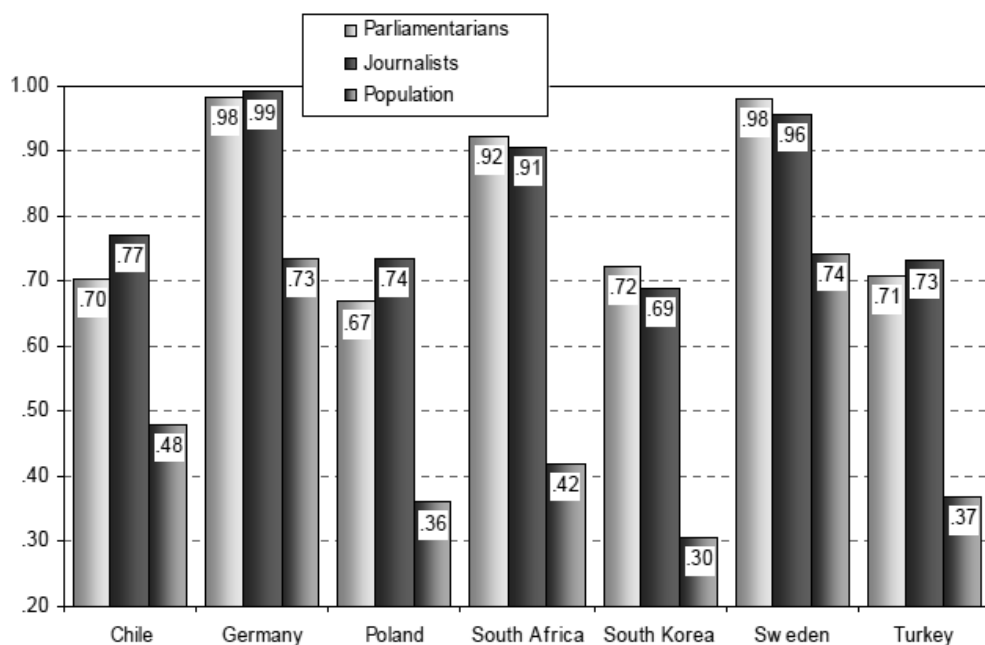
Вопрос об управлении группы экспертов был исключен из последующего анализа, потому что такая форма не является типом государственного режима. Более того, само озвучивание этого пункта было несколько двусмысленным, хотя он получил достаточно высокую оценку респондентов всех стран. Средняя оценка демократии среди парламентариев и журналистов всех семи стран составила около .90, среди населения этих стран она получила чуть ниже, чем .83. Из-за большого количества

положительных оценок в Международном опросе о жизненных ценностях Даймонд³¹ сделал попытку проанализировать валидность этого пункта в качестве показателя поддержки демократии. Он утверждал, что такая оценка просто показывает, что термин «демократия» лишь пробуждает позитивные ассоциации даже среди респондентов, кто не понимает его институционального применения. Для того чтобы избежать таких недостатков, был предложен более точный показатель, который предполагал вычитание среднего значения для автократии и военного режима из показателей для демократии. Применение этого показателя демонстрирует, что поддержка демократии существенно снижается, указывая, что два недемократических типа режима тоже могут получать поддержку даже со стороны элит, как это видно в группе элит четырех из пяти исследуемых новых демократий, за заметным исключением Южной Африки (График 1).

Сочувствие недемократическим режимам оказывается даже ощутимее среди населения семи стран. Безоговорочная поддержка демократии наиболее сильно ощутима в Швеции и Германии, причем между респондентами Восточной и Западной Германии не было отмечено большой разницы. Средний показатель для Чили составляет .48, для Южной Африки — .42, тогда как показатели в Польше, Южной Корее и Турции самые низкие и варьируются от .30 до .37.

Эти результаты подтверждают выводы, к которым пришел Герберт МакКлоски со своей группой. Утверждая, что большинство американцев высказываются в поддержку демократии, граждане менее расположены к тому, чтобы предоставить базовые права, такие как свобода слова или право на справедливый и своевременный суд, членам социальных или политических меньшинств³². Авторы заключают, что представители элит лучше понимают теоретическое значение и практическое применение демократии и,

Graph1: Support for Democracy Minus Support for Non-Democratic Regime Types (Means)



Source: TRI Elite Survey 2007 and World Values Survey 2005/6
Means for positive Evaluation of Democracy minus positive Evaluation of Autokracy oder Military Regime

таким образом, могут считаться главными «носителями демократического начала». Последующие исследования в других развитых демократических обществах подтвердили полученные результаты³³.

Понимание демократии

Оба проведенных исследования включали просьбу к респондентам оценить ряд пунктов и указать, являются ли они, с их точки зрения, основными характеристиками демократии. Анкета включала 16 вопросов для представителей элит и дополнительную группу из 6 вопросов, выбранных из Международного опроса о жизненных ценностях. Анализ главных компонент из 16 вопросов для парламентариев показал, что три вопроса имеют слабую связь с другими и сосредотачиваются либо на некото-

рых отдельных факторах, либо на комбинации нескольких из них. Эти пункты имели отношение к референдумам, возможностям сотрудничества с выборными представителями власти и готовности политических партий к компромиссам. Проведение компонентного анализа без учета этих трех пунктов дает представление о более четкой структуре, в которой 58,3% различий объясняются присутствием двух факторов. Матрица факторных нагрузок показала высокую значимость первого фактора при анализе пунктов, значимых с точки зрения либеральной демократической политики, — свободные выборы, политическое равенство, права меньшинств и т.д. Второй фактор имел отношение к ответственности властей за социальное благополучие граждан, а именно развитие базовой ин-

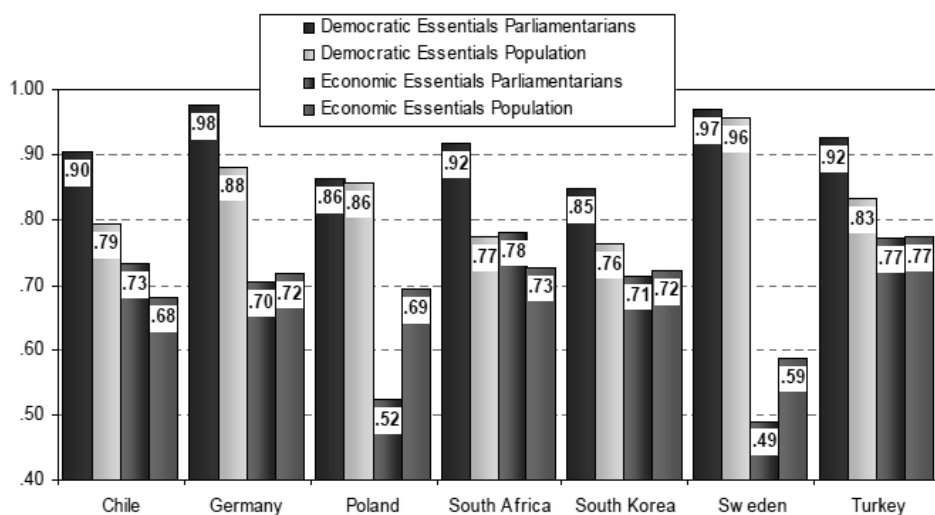
фраструктуры (жилой фонд, обеспечение водой и т.д.), прогрессивное налогообложение, социальная политика. Пункт, содержащий вопрос об образовательных возможностях, имел отношение к обоим факторам (.44 в первом случае и .62 во втором), таким образом, свидетельствуя о том, что даже респонденты, которые положительно относились к ограничению государственной ответственности за экономическое благосостояние государства, считали равный доступ к возможностям основной характеристикой демократического государства.

Факторный анализ шести других пунктов, включенных во «Всемирный обзор ценностей», также обнаружил двухмерную структуру и подтвердил, что эти два аспекта являются важными и отличительными особенностями демократии. Ради сравнения результатов опроса двух групп — элит и населения в целом — были использованы идентичные итоговые показатели (средние значения). Они были вычислены на основе шести пунктов анкеты Международного опроса. Показатель «Основные качества ли-

беральной демократии» сочетает в себе оценку свободных выборов, гражданских прав и равных прав для женщин. Показатель «Активная экономическая роль правительства» основан на оценке системы прогрессивного налогообложения, пособий по безработице, а также перспектив развития экономики³⁴.

График 2 указывает на существование достаточно высокого уровня поддержки мысли о том, что демократические права являются важнейшим компонентом демократии. Средние значения для парламентариев варьировались от .85 в Южной Корее до .98 в Германии. Средние значения для населения в целом оказались несколько ниже, но все-таки достаточно высокими, от .76 в Южной Корее до .96 в Швеции. Разница в средних значениях в отношении второго показателя, напротив, значительна. Среди парламентариев широкая поддержка экономически активного правительства была отмечена в пяти из семи изучаемых стран. Только в Польше и Швеции парламентарии отдали этим факторам наименьшее количество голо-

Graph 2: Different Conceptions of Democracy: Liberal Democratic and Economic Essentials (Means)



Source: TRI Elite Survey 2007 and World Values Survey 2005/6

German population by region: West Germany: .87 and .71; East Germany: .92 and .74

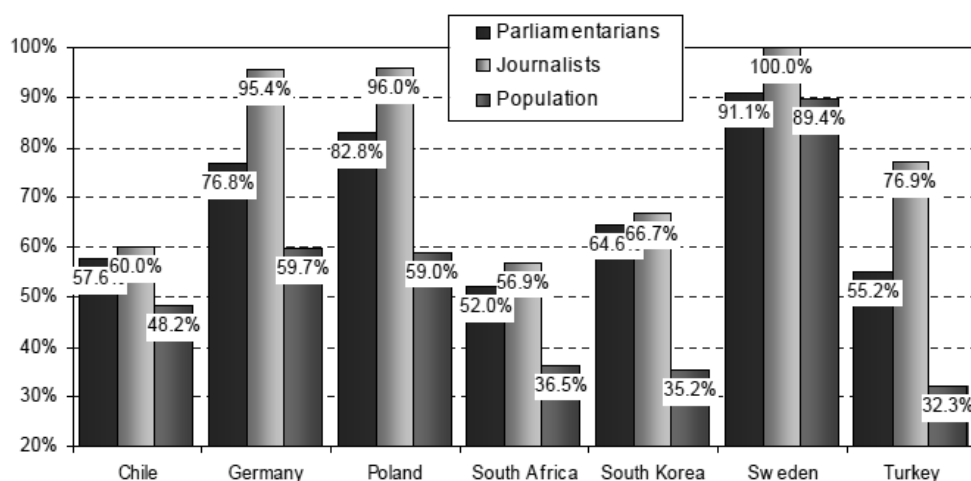
сов. Так как Швеция обеспечивает своим гражданам высокий уровень социальной защиты, шведские элиты, кажется, придают меньшую важность социальным гарантиям, чем либеральным аспектам демократии. Результаты в отношении Польши, с другой стороны, соответствуют другим исследованиям элитных групп в посткоммунистических странах, которые хорошо показывают, что после более чем 40 лет социалистического режима элитные группы в этих государствах предпочитают законы свободного рынка, чем вмешательство государства в экономику³⁵. Вместе с этим результаты также подтверждают, что большинство граждан в этих семи странах ожидают, что демократические правительства принимают на себя ответственность за экономическое благополучие государства. Средние показатели при опросе шведских и польских респондентов оказываются почти такими же высокими, как и показатели в опросах граждан других пяти государств.

Эти же два показателя могут быть использованы для определения, отда-

ют ли респонденты предпочтение либеральным демократическим или экономическим аспектам демократии. Браттон и Маттс³⁶ недавно приняли различие между внутренними и инструментальными способами поддержки демократии, сформулированное Алмондом и Вербой³⁷. Они считают, что там, где поддержка в основном исходит из инструментальных соображений (определяется успешностью функционирования), демократия остается под угрозой. Третий показатель был, следовательно, выведен путем вычитания результата «Активная экономическая роль правительства» из результата «Основы либеральной демократии». Этот показатель демонстрирует, что большее значение респонденты придают либеральным демократическим правам или доступности экономических привилегий. Этот показатель был разбит на три подкатегории — «скрытые», «сбалансированные» и «инструментальные»³⁸.

График 3 представляет выраженные в процентах группы респонден-

Graph 3: Intrinsic Conception of Democracy: Emphasis on Liberal Democratic Essentials Minus Economic Essentials



Source: TRI Elite Survey 2007 and World Values Survey 2005/6
German population by region: West Germany: 78.5%, East Germany: 70.0%

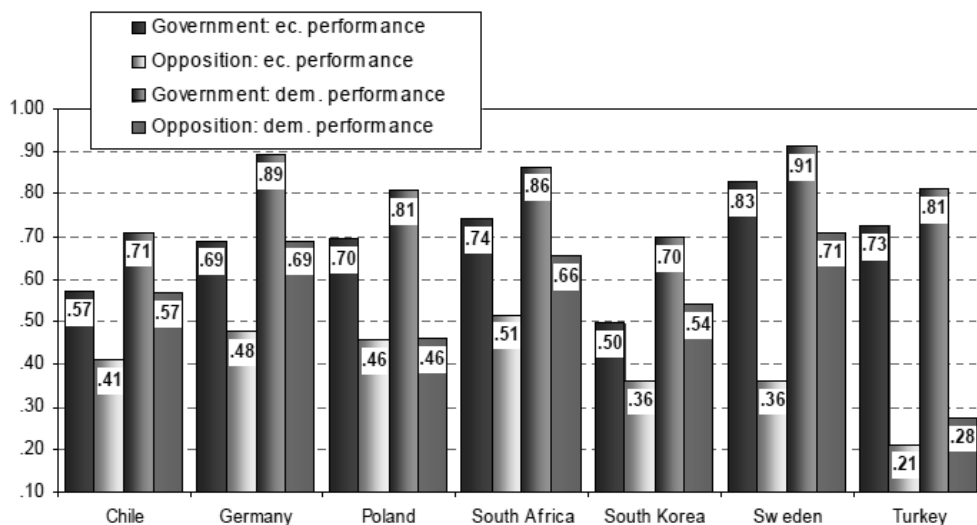
тов, разделяющих основное внутреннее понимание демократии. Он показывает, что гораздо большее количество респондентов — представителей элит, выраженное в процентном соотношении, высоко оценивают демократию за ее непреходящие ценности. Немецкие, польские и шведские элиты получают высокую оценку, южноафриканские и турецкие парламентарии — самую наименьшую. Среди граждан шведские респонденты получают такие же результаты, как и элитная группа, тогда как подавляющее большинство турецких, южнокорейских и южноафриканских респондентов-граждан оценивают либеральные демократические права и экономическое благосостояние как одинаково важные. Только лишь относительно небольшая по численности группа респондентов в каждой стране отдает большее предпочтение экономическим показателям и разделяет более инструментальное понятие демократии³⁹.

Оценка деятельности правительства парламентариями

Анкета, предложенная представителям элит, включала дополнительный вопрос о том, как успешно, на их взгляд, текущее правительство их страны действовало с точки зрения двух аспектов демократии. Ответ на этот вопрос позволяет оценить степень поляризации между правительством и оппозиционными партиями⁴⁰. График 4 предлагает комплексное изображение, которое может быть описано следующим образом.

Во всех семи странах удовлетворение от деятельности правительства в отношении гражданских прав и свобод выше, чем от деятельности по экономическим вопросам. Немецкое, шведское и южноафриканское правительства получили наивысшую оценку за демократическую деятельность (.84 и .81), тогда как правительства в четырех других государствах были оценены между .62 и .64. Среднее удовлетворение экономической деятель-

Graph 4: Evaluation of Government Performance: Economic vs. Democratic Performance - Parliamentarians Only (Means)



Source: TRI Elite Survey 2007

ностью текущего правительства гораздо ниже и варьируется от .43 в Южной Корее до .69 в Южной Африке.

Различия между правительством и оппозиционными партиями оказываются немного меньше в отношении демократической деятельности, чем экономической, за исключением Турции. Парламентарии — представители правящей политической партии и оппозиционных партий — разошлись существенно в их оценке правительственной деятельности, касающейся либеральных демократических прав, со средними показателями в .81 и .28 и разницей в 53%. Поляризация является достаточно заметной и в Польше, с разницей в .35. Наибольшая поляризация в отношении показателей экономического развития наблюдается в Турции (.52), близка по показателям Швеция (.47), тогда как средняя разница в других странах варьируется от .14 в Южной Корее до .24 в Польше.

В целом Турция выглядит страной, в которой политическая поляризация наиболее заметна в отношении как демократической, так и экономической деятельности, тогда как поляризация в Польше ограничена сферой демократических прав. Это может свидетельствовать о затянувшемся конфликте в области отношения к демократическим правам в обоих государствах. В Польше члены оппозиционных партий относятся с большим недоверием к правому правительству братьев Качиньских, которые находились у власти на момент проведения исследования. Этот конфликт немного сгладился с течением времени, с тех пор как новое либерально-консервативное правительство Туска пришло к власти в ноябре 2007 г., вскоре после того, как был проведен опрос представителей элитных групп (май — август 2007 г.).

Оценка качества демократии

Обе части исследования включали просьбу к респондентам оценить каче-

ство демократии в их стране: «Насколько демократическим является сегодня управление Вашей страной?». Этот вопрос может служить индикатором законодательной обоснованности демократической политической системы. Так как подавляющее большинство элит и населения выражали поддержку демократии и лишь небольшое число граждан демонстрировало сочувствие недемократическим типам государственного режима, можно ожидать, что законность демократии в этих странах не подвергается сомнению, но может испытать некоторое негативное воздействие в результате размышлений о том, что демократическая система не работает так, как она могла бы работать.

Во всех семи странах качество демократии получило высокую оценку респондентов-парламентариев, где средние показатели превышали .80 в двух старых демократиях и Южной Африке. Чили, Польша и Южная Корея следовали со средними показателями между .70 и .75. Средний показатель в Турции оказался единственным, который не превысил .70. Оценка, данная журналистами, близка к той, которую дали парламентарии с двумя заметными исключениями: Южная Африка и Турция. В этих двух странах журналисты гораздо более критично настроены в оценке качества демократического управления, чем парламентарии. Это может объясняться тем фактом, что в данный момент обе страны управляются доминирующей партией, которой принадлежит большинство мест в парламенте. В обеих странах не только журналисты, но и парламентарии, представляющие более слабые оппозиционные партии, оценивают состояние демократии менее позитивно, чем члены партии большинства. В Южной Африке средний показатель для парламентариев, представляющих Африканский Национальный Конгресс, средний показатель составляет .91, тогда как средний показатель для депутатов оппозици-

онных партий составляет всего лишь .61. В Турции разница между парламентариями, представляющими партию большинства, и оппозиционерами составляет .20 (.69 и .49). Таким образом, в этих двух странах журналистам принадлежит важнейшая функция контроля за действиями правительства.

Оценки граждан, участвовавших в опросе, показывают достаточно низкий уровень политической удовлетворенности. Даже данные для шведских граждан не превышают в среднем .72. За этим показателем вплотную следует Южная Африка. Средние цифры в других странах располагаются между .52 для Польши и .66 для Чили. Кроме того, Восточная Германия менее удовлетворена положением дел, чем Западная (.54 к .68). Однако поддержка правительства, а не оппозиционных партий не влияет на оценку гражданами ситуации в той же мере, в какой она затрагивает оценку, даваемую представителями элит.

Для того чтобы определить факторы, влияющие на эту оценку, были произведены три множественных линейных регрессионных анализа. Таблица 2 показывает влияние личных характеристик (уровень образования, правые или левые политические предпочтения, симпатии к правительственным и оппозиционным партиям и т.д.), демократических ценностей (поддержка демократии, внутреннее понятие демократии)⁴¹ и оценку политической активности (оценивается отношение правительства к вопросам защиты прав человека, доверие к основным политическим институтам) при оценке качества демократии. В анализ была также включена фиктивная переменная для новых и старых демократий, что помогло понять, отличаются ли новые демократии более низким уровнем законодательного обеспечения.

Кроме того, был использован баланс для того, чтобы уравновесить различные группы данных, отобранные для анализа в Международном опросе о жизненных

ценностях. Респонденты из Восточной и Западной Германии воспринимались как представители двух стран. Граждане Восточной Германии относились к представителям новой демократии, тогда как западные немцы относились к старой демократии⁴².

В первой регрессионной модели данные по парламентариям и гражданам были объединены для того, чтобы попытаться уловить системные различия между этими двумя группами. Было определено, что в анализе задействована выборка в размере 100 парламентариев на одну страну. Применяя одновременно оба баланса, количество участвующих в опросе респондентов стало равняться 8 000 в Международном опросе и 700 парламентариев. Это обозначает, что парламентарии составили приблизительно 8% от общего числа респондентов. В силу их гораздо меньшего числа ответы парламентариев выражаются в гораздо меньшем общем результате. Это потребовало, в свою очередь, проведения отдельного анализа для того, чтобы определить, насколько систематическим является отличие этой группы от других при изучении воздействия независимых переменных. Третья регрессионная модель в конечном итоге включила два показателя оценки парламентариями деятельности правительства как независимых переменных.

Согласно первой регрессионной модели, выделяются четыре переменные, которые имеют очень большое значение для оценки качества демократии: воспринимаемое уважение по отношению к правам человека; политическое доверие; фиктивная переменная для старых и новых демократий; поддержка демократии. Доверие к правительственным институтам (правительство, парламент, политические партии) может считаться косвенным показателем деятельности системы. Анализ подтверждает, что функционирование системы существенно влияет на оценку качества демократии. Поддержка демократии чрезвычайно важна. Одна-

Table 2: The Impact of Political Satisfaction on the Evaluation of the Quality of Democracy
(Multiple regression analysis, standardized regression coefficients)

	Chile	Germany	Poland	South Africa	South Korea	Sweden	Turkey
Parliamentarians							
Intercept	(.33)	(.17)	(n.s.)	(.44)	(.48)	(.27)	(n.s.)
Education ¹	n.s.	n.s.	n.s.	-.18	n.s.	n.s.	n.s.
Satisfaction with economic performance of government ²	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.
Satisfaction with democratic performance of government ³	n.s.	.47	.33	.30	.38	.32	n.s.
Respect for human rights ⁴	.40	.29	.28	n.s.	n.s.	.27	.30
Trust in institutions ⁵	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	.21	.29
Left-Right Scale	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	.18
Member of government vs. opposition parties	.30	n.s.	.35	.46	.23	n.s.	n.s.
Explained variance (r^2)	.36	.48	.66	.49	.27	.34	.31
Population							
Intercept	(.46)	(.29)	(.17)	(.28)	(.37)	(.38)	(.20)
Education ¹	n.s.	n.s.	n.s.	n.s.	.07	n.s.	n.s.
Trust in institutions ⁵	.09	.16	.14	.22	.08	.33	.25
Respect for human rights ⁴	.26	.39	.34	.32	.33	.23	.36
Left-Right Scale	n.s.	n.s.	.19	.08	n.s.	n.s.	.07
Support for government vs. opposition parties	.18	.12	n.s.	.18	. ⁶	n.s.	n.s.
Explained variance (r^2)	.12	.24	.21	.29	.29	.24	.27

Source: TRI Elite Survey 2007 and World Values Survey 2005/06

1 lower secondary, higher secondary, tertiary

2 Satisfaction with government performance regarding provision of basic social and economic services, i.e. progressive taxation, unemployment benefits, prospering economy (both surveys) plus provision of jobs, shelter, food and water for everyone (only elite survey)

3 Satisfaction with government performance regarding basic participation and liberty rights, i.e. free elections, civil rights, equal rights for women (both surveys) plus freedom to criticize the government, equality of the vote, minority rights (only elite survey)

4 "Extent of respect for individual human rights nowadays here in this country"

5 Confidence in governmental institutions (executive, legislature, courts, police, public administration) and political parties

6 Question on vote intention not asked in South Korea

ко она имеет несколько односторонний эффект, указывая на то, что респонденты, которые однозначно выбирают демократический режим, демонстрируют большую степень удовлетворения работой демократической системы. Как можно предположить, удовлетворение качеством демократии выше в старых, чем в новых демократиях. Однако график 5 показывает, что это оказывается несправедливым в отношении Южной Африки⁴³.

Второй регрессионный анализ был ограничен только группой парламентариев. Общие значения для этой регрессионной модели значительно выше, чем для первой (от .361 до .274), что подтверждает предположение о том, что взгляды и восприятие элитной группы гораздо более структурированы, чем общества в целом⁴⁴. Так же как и в первой модели, воспринимаемое отношение к правам человека и доверие к политическим институтам оказываются значительными. Респонденты в новых демократиях опять оказались менее удовлетворены тем, как функционируют основные демократические институты в их странах. Протестование между членами государственных структур и оппозицией также было достаточно ощутимым. Это подтверждает тот факт, что эволюция качества демократии не является независимой от партийных политических предпочтений респондентов, как можно было бы предположить исходя из демократических теорий. Партийная конкуренция явно не способствует существованию более структурированной системы взглядов среди представителей элиты, но она влияет на восприятие ими политической системы в целом. Среднее различие между парламентариями в правительстве и оппозиционных партиях составило .18, тогда как этот показатель равнялся лишь .12 среди электората этих же партий. Самая заметная разница наблюдалась среди избирателей в Южной Африке — .18. В то же самое время расхождения были значительными между

парламентариями Польши (.37), Южной Африки (.29) и Турции (.20). Этот факт свидетельствует о том, что существующие конфликты по отношению к базовым конституционным правам не могут быть разрешены в период демократизации. Наши данные показывают, что консенсус среди элит все еще не достигнут в этих трех странах даже спустя три десятилетия после начала процессов демократизации. Однако кажется, что перемены, произошедшие в правительстве в 2007 г., и в еще большей степени крушение самолета, в котором погиб президент Лех Качиньский и ряд высокопоставленных политиков Польши в 2010 г., значительно способствовали национальному единению Польши⁴⁵.

Третья регрессионная модель вводит две дополнительные переменные, которые отсутствовали в двух предыдущих. Это оценка деятельности властей по защите базовых либеральных демократических прав и экономическое благосостояние. К сожалению, вопрос об эффективности властей не был включен в Международный опрос, поэтому такой анализ был проведен только в рамках опроса парламентариев. Он выявил дополнительные причины, объясняющие более чем 40% вариативность, и в то же время показал наличие только одного существенного индикатора, который помогал проанализировать отношение к действиям власти по защите базовых прав. Показательные возможности других переменных оказались достаточно ограниченными. Переменная, связанная с деятельностью новых и старых демократических систем, оказалась эффективной для анализа на уровне 5%, но ее значимость оказалась низкой. Регрессионная модель, таким образом, подтвердила, что восприятие деятельности властей в отношении защиты либеральных демократических прав является чрезвычайно важной для понимания правовой базы демократических политических систем, причем это в полной

мере относится и к старым демократиям. Правительства несут на себе огромную ответственность за поддержание функционирования демократических институтов даже в условиях консолидированных демократий.

Наконец, восприятие экономической деятельности властей, кажется, обладает меньшей значимостью, по крайней мере, с точки зрения парламентариев. Так как подобный индикатор не был включен в Мировой опрос, оказывается затруднительным определить, насколько важным он будет являться для населения стран в целом.

Выводы

Эмпирические результаты подтвердили, что элиты оказывают больше поддержки демократическим процессам, чем население. Это в полной мере относится к пяти молодым демократиям, включенным в данный анализ, где поддержка со стороны элит оказалась немного ниже, чем в двух устоявшихся демократических государствах. Значительное большинство населения также поддерживает демократические процессы, но их отрицание недемократических сил не так очевидно.

Как элиты, так и население в целом считают демократию ведущим возможным типом государственного устройства, который гарантирует и защищает основные гражданские свободы и политические права. Вместе с тем ответственность за благосостояние населения в стране также считается значимым моментом как представителями элитных групп, так и населением в целом. Однако лишь немногие из обеих групп ассоциируют демократию с экономическим процветанием и разделяют исключительно инструментальный подход к демократии.

Парламентарии из правящих и оппозиционных партий значительно различаются в своих оценках эффективности государственного функционирования. Так как конфликт в отношении экономиче-

ских и социальных стратегий оказывается самым сложным для разрешения между ведущими политическими партиями демократической системы⁴⁶, совершенно не удивляет восприятие экономической деятельности властей. Однако разногласия в отношении к деятельности властей по защите основных либеральных демократических прав свидетельствуют о гораздо более глубоком политическом конфликте. Такие конфликты, возможно, неизбежны в условиях новых демократий, которые все еще идут по пути достижения консенсуса о том, как эти права должны быть реализованы на практике. Согласно нашим данным, подобные конфликты были хорошо знакомы Польше вплоть до недавнего времени. Они носят более глубокий характер в Турции, где конституционный спор о политической роли ислама является наиболее сложным.

Тот факт, что качество демократии получило гораздо более низкую оценку парламентариями из оппозиционных партий и среди простых граждан, свидетельствует о существовании значительного недовольства части оппозиционных партий и населения. Однако это может также говорить о несовпадении демократических ожиданий и демократической реальности.

Каждая из семи демократий в нашем исследовании имеет свой собственный портрет. Результаты подтверждают, что консолидация демократии зависит от специфических для каждой страны факторов, включая процессы, в силу которых демократия изначально устанавливается. Тогда как демократия как таковая уже является неоспоримой в пяти новых демократических государствах нашего исследования, глубокие противоречия среди элиты в отношении ее основных черт и в особенности конфликты между властью и оппозицией относительно аспектов функционирования продолжают происходить в Турции, что может нанести урон процессам консолидации демократических сил в этой стране. В то же

время наши данные подтверждают, что противоречия и конфликты, связанные с экономическим развитием, которые бы-

ли основной причиной неудач демократии в межвоенный период в 20 в., потеряли свою прежнюю значимость⁴⁷.

- ¹ Предыдущая версия этой статьи была представлена на Конференции IPSA-ECPR «Что же произошло с Северо-Югом?». Сан-Паулу, 16–19 февраля 2011 г.
- ² Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 2.
- ³ Lipset S.M. *Political Man*. London: Heinemann, 1960 ; Vanhanen T. *Democratization. A Comparative Analysis of 170 countries*. London: Routledge, 2003.
- ⁴ Inglehart R., Welzel Ch. *Op. cit.* P. 2.
- ⁵ Scheuch E.K. *Social Context and Individual Behavior* / ed. by M. Dogan, S. Rokkan: *Quantitative Ecological Analysis in the Social Sciences*. Cambridge (MA) : MIT Press, 1969. P. 133–155.
- ⁶ Rustow D.A. *Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model* // *Comparative Politics*. 1970. Vol. 2. P. 337–64 ; Przeworski A. *Democracy and the Market. Political and Economic reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.
- ⁷ Lijphart A. *The Structure of Inference* / ed. by G.A. Almond, S.Verba. *The Civic Culture Revisited*. Newbury Park : Sage Publications, 1980. P. 50.
- ⁸ McClosky H. *Consensus and Ideology in American Politics* // *American Political Science Review*. 1964. Vol. 58. P. 361–82 ; McClosky H., Brill A. *Dimensions of Tolerance*. New York : Russell Sage Foundation, 1983.
- ⁹ Hanp., Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton : Princeton University Press, 1963 ; Miller A.H., Hesli V., Reisinger W. *Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies* // *British Journal of Political Science*. Vol. 27. P. 157–90; van Beek U. *Democracy under Scrutiny: Elites, citizens, cultures* / ed. by U. van Beek. *Op-laden* : Barbara Budrich Publishers, 2010.
- ¹⁰ Baker K.L., Dalton R., Hildebrandt K. *Germany Transformed. Political Culture and the New Politics*. Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1981. P. 24.
- ¹¹ Almond G.A., Verba S. *Op. cit.* P. 312.
- ¹² *Ibid.* P. 313.
- ¹³ Conradt D.P. *Changing German Political Culture* / ed. by G.A. Almond, S.Verba. *The Civic Culture Revisited*. Newbury Park : Sage Publications, 1980. P. 212–72.
- ¹⁴ Lipset S.M. *Op.cit.*
- ¹⁵ См. Diamond L. *The Spirit of Democracy*. New York: Holt Paperbacks, 2008. P. 303–13.
- ¹⁶ Lipset S.M. *Op. cit.*
- ¹⁷ *Ibid.* P. 82.
- ¹⁸ Almond G.A., Verba S. *Op. cit.*
- ¹⁹ Conradt D.P. *Op. cit.* P. 212–72 ; Baker K.L., Dalton R., Hildebrandt K. *Op. cit.* ; Mohler P.Ph., Götze H. *Worauf sind die Deutschen stolz? / P.Ph. Mohler, W. Bandilla (Hrsg.). Blickpunkt Gesellschaft 2. Einstellungen und Verhalten der Bundesbürger in Ost und West*. *Op-laden* : Westdeutscher Verlag, 1992. S. 45–63.
- ²⁰ Bratton M., Mattes R. *Support for Democracy in Africa: Intrinsic or Instrumental?* // *British Journal of Political Science*. 2001. Vol. 31. № 3. P. 447–74.
- ²¹ Rohrschneider R. *Learning Democracy. Democratic and Economic Values in Unified Germany*. Oxford : Oxford University Press, 1999.
- ²² Bürklin W.P., Rebenstorf H. *Eliten in Deutschland: Rekrutierung und Integration*. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1997.
- ²³ Arzheimer K. *Gesellschaftliche Wertorientierungen, Staatszielvorstellungen und Ideologien* // *Wächst zusammen, was zusammengehört?* / O.W. Gabriel, J.W. Falter, H. Rattinge (Hrsg.). Baden-Baden : Nomos, 2005. S. 285–313.
- ²⁴ Miller A.H., Hesli V., Reisinger W. *Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies* // *British Journal of Political Science*. 1997. Vol. 27. P. 157–90.
- ²⁵ Fuchs D., Guidorossi G., Svensson P. *Support for the Democratic System* // *Citizens and the State* / ed. by H.-D. Klingemann, D. Fuchs. Oxford : Oxford University Press, 1995. P. 345.

- ²⁶ Democracy under Construction: Patterns from four Continents / ed. by U. van Beek. Opladen : Barbara Budrich Publishers, 2005 ; Democracy under Scrutiny: Elites, citizens, cultures / ed. by U. van Beek. Opladen : Barbara Budrich Publishers, 2010.
- ²⁷ Таблицы и графики приведены в соответствии с оригинальным текстом автора.
- ²⁸ Отсутствие хорошо определенного пространства для медиаэлит подразумевало, что принцип выбора ведущих журналистов отличался в каждой стране, это предполагало использование дополнительных переменных для этой группы респондентов. Вместе с тем результаты изучения этой группы дают дополнительное представление о том, что существуют систематические отличия между политическими и медиаэлитами, и это отражено в графиках.
- ²⁹ Abold R., Wenzel E. Die Größe des Kuchens und seine Verteilung // Wächst zusammen, was zusammengehört? / O.W. Gabriel, J.W. Falter, H. Rattinger (Hrsg.). Baden-Baden : Nomos, 2005. S. 221–246.
- ³⁰ См.: Gabriel O.W. Wächst zusammen, was zusammen gehört? / O.W. Gabriel, J.W. Falter, H. Rattinger (Hrsg.). Baden-Baden : Nomos, 2005. С. 385–423.
- ³¹ Diamond L. The Spirit of Democracy. New York : Holt Paperbacks, 2008. P. 31–34.
- ³² McClosky H. Consensus and Ideology in American Politics // American Political Science Review. 1964. Vol. 58. P. 361–82 ; McClosky H., Brill A. Dimensions of Tolerance. New York : Russell Sage Foundation, 1983.
- ³³ Hoffmann-Lange U. Studying Elite vs. Mass Opinion / The Sage Handbook of Public Opinion Research / ed. by W. Donsbach, M.W. Traugott. L. : Sage Publications, 2008. P. 53–63.
- ³⁴ Коэффициент значимости для двух показателей есть альфа = .82 для демократических единиц, альфа = .55 для экономически активной роли правительства среди парламентариев, альфа = .73 и альфа = .53 среди населения. Так как значения этих коэффициентов менее чем удовлетворительные, нужно учитывать, что коэффициент надежности только трех переменных обычно ниже, чем коэффициенты большего числа переменных. Также нужно отметить, что два измерения демократии не являются статистически независимыми. Коэффициент корреляции $r = .23$ среди парламентариев и $r = .45$ для общего населения.
- ³⁵ Miller A.H., Hesli V., Reisinger W. Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies // British Journal of Political Science. 1997. Vol. 27. P. 157–90 ; Jacek W. Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland // Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / ed. by John Higley, Jan Pakulski, Włodzimierz Wesołowski. Houndmills : Macmillan Press, 1998. P. 163–87.
- ³⁶ Bratton M., Mattes R. Support for Democracy in Africa: Intrinsic or Instrumental? // British Journal of Political Science. 2001. Vol. 31. № 3. P. 473.
- ³⁷ Almond G.A., Verba S. Op. cit.
- ³⁸ Максимальная разница между двумя показателями была или —1, или +1. Респонденты со значением от +0.1 и —0.1 были кодированы как «сбалансированные», большие отклонения в отрицательную сторону обозначались как «инструментальные», большие позитивные отклонения — как «внутренние».
- ³⁹ Процент респондентов с преимущественно инструментальным подходом к демократии был выше в Южной Корее (19.4%), Южной Африке (18.6%) и Турции (13.1%).
- ⁴⁰ Анализ этого вопроса ограничен изучением группы парламентариев, потому что вопрос о принадлежности к партии не был включен в шведскую и южнокорейскую анкеты. Более того, большинство журналистов, опрошенных в Турции, отказались отвечать на этот вопрос, так же как и в Польше, где число отказов достаточно велико. Принимая во внимание большое количество недостающей информации, журналисты должны были быть исключены из анализа в этом пункте.
- ⁴¹ Необходимо отметить, что сложно делать какие-либо предположения априори о воздействии этих двух индикаторов. Тогда как более высокий уровень поддержки демократии может укрепить правовую основу демократической системы, нельзя сбрасывать то, что и более настоятельные требования демократии могут расшатывать ее. То же самое оказывается справедливым в отношении понимания демократии как таковой.
- ⁴² Все немецкие парламентарии были отнесены к группе старой демократии. Это было сделано исходя из двух соображений. Во-первых, потому что только 21 восточно-немецкий парламентарий принял участие в опросе. Во-вторых, как уже было упомянуто выше, потому что различия между двумя группами немецких парламентариев незначительны, т.к. принадлежность к партиям и парламентская среда имеют сглаживающий эффект.
- ⁴³ Так как регрессионный анализ включал и респондентов, кто не демонстрировал безоговорочную поддержку демократии по сравнению с недемократическими типами режимов, можно предположить, что оценка качества демократии не является хорошим показателем правовой обособленности для этих респондентов. С целью контроля такого возможного эффекта был проведен

дополнительный регрессионный анализ, в который были включены лишь респонденты, однозначно предпочитающие демократические формы правления. Этот анализ представил почти сходные результаты, и поэтому они здесь не приводятся.

⁴⁴ Converse Ph.E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Ideology and Discontent / ed. by David E. Apter. New York : The Free Press, 1964. P. 206–61.

⁴⁵ Мы должны учитывать, что проводимые исследования ценны как инструмент изучения политической культуры, но они не могут предвидеть неожиданных изменений, связанных с влиянием непредвиденных факторов.

⁴⁶ Hoffmann-Lange U. The Saliency of the Socio-Economic Cleavage in Old and New Democracies // Democracy under Scrutiny: Elites, citizens, cultures / ed. by U. van Beek. Opladen : Barbara Budrich Publishers, 2010. P. 173–200.

⁴⁷ Huntington S.P. The Third Wave. Norman : The University of Oklahoma Press. 1991 ; Berg-Schlosser D. The Impact of the Great Depression on Democracy // Democracy under Stress / ed. by U. van Beek. Leverkusen Opladen : Barbara Budrich, 2012. P. 47–57.